

Вероника ПОСТИКА

МОИ МИЛЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ

Повесть

У моих предков, наверное, случилось бы по два инфаркта на брата, если б я стал болтать про их личные дела.

*Джером Д. Сэлинджер.
Над пропастью во ржи*

Про то, как я родилась

Я родилась 30 июля 1987 года. Но история семьи, о которой я хочу рассказать, началась гораздо раньше. Где-то за девять месяцев до этой даты происходило примерно следующее.

— Ты с ума сошла! Нина, опомнись, — умоляла бабушка, хватаясь за сердце, — это я не переживу. Подумай своей головой! Мало того, что ты притащила в семью этого цыгана, так еще и умудрилась забеременеть от него! Нина, подумай, я прошу тебя, подумай хорошо. У тебя за плечами два развода, на руках трое маленьких детей. А теперь и еще двое, твоего нового мужа. Ты намерена рожать шестого?? Как вы будете жить, где?? Мы с отцом уже не молодые, да и тебе не двадцать. Нина, тебе тридцать шесть лет!

— Мама, перестань, все будет хорошо. И потом, я уже все решила. Дима очень любит детей и хочет еще.

— Еще... — выдохнула бабушка и рухнула на диван. — Нет, это уму непостижимо. Вы собрались заселить весь город своими наследниками? Да и было бы хоть что наследовать. Сами живете впроголодь. Чем вы занимаетесь?

— Ты же знаешь, он дальнбойщик.

— Дальнбойщик! Проходимец он! Сделал тебе ребенка, а потом свалит на два месяца неизвестно куда, а ты останешься одна. Как ты будешь их воспитывать, поднимать? Тебе еще придется как-то находить общий язык с его девочкой и мальчишкой.

— Ну вот, может, братика ему родим, а то одни девчонки у нас, — улыбнулась мама.

Но родилась я. В семье стало на одну девочку больше. Родилась я ровно в шесть утра. По такому случаю из радиоприемника прозвучал гимн. И под торжественное: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь...» папа на радостях притащил маме подарки и длинный список имен. С легкой руки папы меня могли

Вероника Дмитриевна Постика родилась в 1987 году в г. Куйбышеве (ныне Самара). Окончила отделение журналистики социологического факультета Самарского государственного университета. Работала в Самаре на телевидении, в газете, потом на радио. В 2015 году переехала в г. Отрадный Самарской области. В настоящее время главный редактор «Радио Апрель» (г. Отрадный).

назвать: Барбара, Бьянка, Камелия, Чезара, Дачиана, Дойна, Кателуца, Норика, Эмилика, Джения, Флавиана, Флорика, Джорджета, Георгиана, Грациана, Илинка, Лоредана, Луминица, Михаэла, Петрана, Роксана, Сперанца, Вирджиния...

С легкой руки мамы я стала Вероникой. А благодаря моим многочисленным сестрам позже я стала Наничей, Вениамином, Шпикой, ШП и даже просто Шшшш.

Все истории, которые я расскажу, — про мою многочисленную семейку.

Папа

Как вы уже поняли, у меня есть мама Нина и папа Дима. Правда, тот факт, что у меня есть папа, порой ускользал от меня по той причине, что он все время был в рейсах. Но в каждый приезд он заваливал нас подарками, особенно меня, потому что меня баловал больше остальных. Папа привозил жвачки «Лав Из», «Турбо», «Дональд Дак» целыми коробками! И это ценилось гораздо больше полезных ящиков с фруктами и орехами, которыми он нас закармливал. Наверное, поэтому мы практически не болели. Случался его приезд всегда примерно одинаково. Ночью, в тот момент, когда я сладко спала в постели. Хотя... Как можно уснуть, зная, что вот-вот должен вернуться папа! Я раскидывала руки в разные стороны, плотно закрывала глаза и не шевелилась, всем своим видом имитируя глубокий сон. Но вряд ли это могло остановить папу. Он заваливался ко мне в комнату чуть выпивший и под традиционную речь мамы «Дим, ребенок спит, завтра с ней поздороваяешься!» со словами «Да ти мой цыпленочек, да ти мой галчонок...» начинал целовать меня, щекоча колючими усами и недельной щетиной. Я по привычке возмущалась и говорила, что хочу спать. Он привычно не обращал внимания, смотря на меня любящими глазами и обхватывая большими ручищами, словно медведь. Папа вообще часто мне напоминал медведя. Он был большой, плотно покрытый «шерстью». Нельзя сказать, что бабушка была не права, когда говорила, что он цыган, — он молдаванин. Большой и добрый молдаванин. Даже когда он говорил, было в этом что-то медвежье. Ты можешь задать ему вопрос, повторить несколько раз, полагая, что он не расслышал, но не факт, что услышишь ответ. После длительной паузы в несколько минут он тяжело вздохнет, чуть повернется к тебе и скажет: «Мдааа...» — и снова о чем-то задумается. Может быть, он размышляет над твоим вопросом, а может быть, вспоминает стихи русских классиков — это навсегда останется тайной. Он прекрасно говорит на румынском, молдавском и еще на пяти языках. Я тщетно пыталась освоить в детстве хотя бы один из них. Папа почти никогда не спорил, в свободное от работы время до утра смотрел на кухне телевизор под аккомпанемент тонн семечек, а когда выпивал больше нужного, ставил старые пластинки с молдавскими песнями. Мне кажется, он даже иногда плакал, слушая их.

Я любила папу. А песенку «Да ти мой цыпленочек» знают все члены нашей семьи, особенно самые младшие. Когда я выросла, они подхватили эстафетную палочку.

Мама

С той же легкостью, с которой нам доставались подарки от папы, они и исчезали под строгим контролем мамы. У нее была очень простая и четкая система. Чтобы мы не слопали все запасы лакомств до следующего приезда папы, она убирала их в шкаф на верхнюю полку и выдавала нам по одной штуке каждый день. Ох уж эта верхняя полка! Когда мама говорила: «Вероник, достань с верхней полки всем по жвачке», я бросала все дела, бежала сломя голову в мамину комнату. Мне даже казалось, что

когда я открываю холодными от волнения руками эту полку, то в голове звучит музыка, как в мультиках, когда герой побеждает. Оттуда доносился невероятно сладкий запах баблгэма. Я просовывала руку в коробку и перебирала жвачки пальцами, ощущая их гладкие обертки. Потом торжественно преподносила остальным это чудо. Конечно, было бы полной глупостью жевать сразу всю жвачку, я делила ее на несколько частей, чтобы раз за разом ощущать этот вкус. А потом приклеивала ее к настольной лампе, чтобы позже пожевать снова.

Что же касается маминой системы, она имела еще один очень важный элемент. Если провинился кто-то один, отвечают все. А значит, верхняя полка закрывается для нас всех на долгую неделю. В результате очень скоро мама вообще перестала отслеживать наши шалости и проказы, потому что лучше нее это делали мы сами. Не так страшен был мамин гнев, как общественное порицание всей нашей семьи, размером с небольшой микрорайон.

Мама вообще на удивление была всегда в приподнятом настроении, легкой на подъем и очень активной. Ее, по-моему, мало волновал тот факт, что в ее доме проживает маленькая футбольная команда. Каким-то удивительным образом ей удавалось и накормить нас всех, и дом убрать, и выглядеть при этом чудесно. И это при том, что мои девяностые сильно отличались от девяностых моих родителей. Им было не просто. Большинство наших соседей-мужчин изрядно выпивали. Иногда на это дело они подбивали и моего добродушного папу. Местом дислокации были гаражи. Как же я не любила эту фразу: «Вероник, сходи в гаражи, приведи отца». Негодуя в душе, я отправлялась в это злачное местечко под названием «Гаражи» на поиски моего зашедшего отца. Среди прочих пап нашего двора в этой бесконечной череде металлических построек я отыскивала своего и настойчиво требовала, чтобы он вернулся в семью. Встречал он меня восторженно. Снова вспоминал свою песенку про цыпленка и галчонка и торжественно представлял всем собравшимся уважаемым людям свое ненаглядное чудо — меня. После пяти-десяти минут восторгов по поводу того, какая я красавица, и умница, и папина гордость, мне все-таки удавалось его вывести из берлоги и за ручку повести домой. По дороге мы договаривались о том, что маме знать надо, а что лучше и вовсе забыть. Всегда было проще согласиться, потому что, во-первых, мне было жалко папу, который и так провинился, а во-вторых, я представляла, каким скандалом могла разразиться мама.

Чаще всего дома я видела маму в бигудях и фиолетовом бархатном халате. Как-то раз, когда родители уехали за товаром (они стали зарабатывать тем, что торговали на рынке вещами), я заскучала и, придя домой, вдруг увидела, как кто-то кудрявый, в фиолетовом халате, подметает. Я кинулась к ней с возгласом «Мама!», она повернулась и оказалась вовсе не мамой, а Есенией. Со спины они были очень похожи. Есению я очень любила, но в тот момент скучала по маме. У нас с ней были особые отношения. Мы дружили, да-да, дружили. Могли обсуждать все что угодно. Ее не смущали мои вопросы, не удивляли мои рассуждения и не вызывали ужаса мои мечты. Ближе нее у меня никого не было. Разве что Ольга.

Ольга

Ольга — старшая сестра. Мне всегда нравилось то, что у нас с ней разница десять лет, мне казалось, в этом есть что-то судьбоносное. Мы как бы начинали и завершали нашу семью — были ее начало и конец. Когда родители уезжали, большую часть времени я проводила с ней. Она была с другой планеты. Маленькая, худенькая девочка, всегда задумчивая и очень ласковая. Казалось, ее совсем не волнуют мальчишки

и шмотки, как всех остальных, она практически никогда ни с кем не ссорилась. Она была как целый мир, и совсем другой, нежели тот, в котором жили мы все. Ее фантазия была безгранична. Казалось, там, в ее сказочных историях, ей жилось куда комфортнее, чем в реальном мире. Из-за этого над ней часто подшучивали, но ее это не волновало. А еще она приучила меня слушать пластинки. Она включала «Ласковый май», «На-На» и непременно подпевала: «Упала шляпа...» Я же включала сказки и могла слушать их часами.

После девятого класса она уехала в техникум, и мой мир рухнул. Я слезно умоляла ее не уезжать, не понимая, что это невозможно, потом тоннами писала ей письма. Но она уехала. И у нее началась новая жизнь. С тех пор мы никогда не были так близки, как раньше.

Как-то мы работали вдвоем в родительском магазине и поссорились. Я даже уже не помню почему. Мне было лет четырнадцать, этот мой возраст семья вспоминает то ли с улыбкой, то ли с ужасом — я говорила все, что мне приходило в голову. А ничего полезного в мою голову тогда не приходило. И вот я, всплыв, высказала ей все то, что боится услышать любой человек. Все ее недостатки, о которых каждый сам знает, но о которых все деликатно молчат. Я не промолчала. Она вдруг затихла, о чем-то задумалась и ушла. Ее не было часов пять. Я страшно переживала за нее и за все, что произошло. Первое время я еще пыталась убедить себя, что права. Но потом гнев прошел, и мне стало очень стыдно. Я хотела только одного — чтобы она пришла, а я ее обняла и сказала, что так не думаю. Пришла она поздно ночью. Я не спала, ждала, что она что-то скажет. Но она сделала вид, будто ничего не произошло. С той же легкостью, как и всегда, она завела разговор об ужине, о завтрашнем дне, и на том мы легли спать. Мне так и не хватило смелости попросить прощения.

Есения

Еще одна моя красавица сестра, которая, в отличие от Оли, не любит оставаться в тени. Своим темпераментом она заполняет всю комнату, все пространство — моя сестренка Есения. Был такой одноименный фильм, в котором главную героиню звали как раз Есенией. Мой папа любил давать необычные имена детям. И так уж вышло, что имя это идеально подходило моей сестре. Все, что я помню из детства про нее, — она была настоящим вихрем. Она постоянно куда-то сбегала, потом находилась, или папа ее находил, она всегда была при своем мнении, ей хотелось попробовать, узнать, пережить буквально все! Она для меня была как настоящий фильм экшен в нашей семье — мне бы никогда не хватило духу выпрыгнуть из окошка ночью! Пусть даже с первого этажа. Я высоты боюсь и темноты. И мамы. А она, казалось, не боится ничего и никого. Конечно, Есения часто становилась объектом обсуждения и осуждения. Ее воспитывали и перевоспитывали, отправляли учиться музыке, прочили ее в адвокаты, отсылали к папиным родственникам, проводили длительные нравоучительные беседы, ругались и упрашивали. Она и правда прекрасно играла на пианино и гитаре, у нее была потрясающая память: она с легкостью могла освоить такую профессию, как юрист. Но невозможно удержать даже в самой уютной клетке того, у кого в душе пылает огонь, — он постоянно в поиске свежей родниковой воды, которая бы смогла хоть на время этот пожар потушить. Я всегда защищала ее на семейных советах. Конечно, я жалела маму и папу, но Есению всегда жалела сильнее, просто потому, что иногда мне казалось, что ее больше некому пожалеть. А также не может быть, чтобы человек был, а пожалеть его некому. Как-то она снова приехала домой, я даже уже не помню, откуда и надолго ли. Мама устроила ее учиться на водителя трамвая.

Есения, как это всегда бывало, с воодушевлением предложение приняла и с головой ушла в учебу. Она на удивление талантлива в учебе. То, что я учила неделю, она усваивала за несколько часов. Как-то она пришла домой, села со мной рядышком и сказала:

— Я больше не хочу быть водителем трамвая. Это не мое.

Я, конечно, разозлилась, представляя, как будет переживать мама.

— Так нельзя! Представь, как расстроится мама. Почему ты не можешь жить, как нормальные люди? Сейчас ты бросишь очередную учебу, и все снова пойдет прахом.

— Никто из вас меня не понимает и не принимает! Но это моя жизнь, только моя! И я буду жить так, как считаю нужным, даже если каждый из вас от меня отвернется!

Наступила пауза. Я посмотрела в ее большие и взволнованные глаза и сказала:

— Я никогда от тебя не отворачивалась.

Она осталась в спальне родителей, а я ушла в свою комнату. Я понимала, что очень скоро снова ее потеряю — на год, на два? Никто этого не знал. Она зашла ко мне, обняла и сказала только одно: «Спасибо». Потом она уехала.

ИрМарин

Да, именно так мы их и называли, чем, вероятно, вызывали у них раздражение. «А где ИрМарин?», «Спроси у ИрМарины», «Оставь ключи ИрМарине». Мда, получилось какое-то странное существо, но очень милое.

Первое воспоминание, связанное с ними: мама заставляет их взять меня с собой на прогулку. Они возмущаются, но берут. Слово мамы — закон. И вот я, укутанная шарфом по самые глаза, в черной необъятной шубе и валенках, плетусь позади них и размышляю о своей небольшой тогда еще жизни. Они заходят за своей подружкой из соседнего дома.

— А ее-то зачем взяли? — спрашивает она.

— Да мама заставила, — раздраженно отвечают они, и я продолжаю плестись молча, чтобы еще больше не накалять ситуацию.

Помню еще один случай. Мы идем с ними куда-то, и они начинают шутить:

— А откуда ты знаешь, что ты дочь мамы и папы? Может, тебя из приюта взяли.

— Нет, не взяли, — спокойно говорю я.

— Ну, откуда ты знаешь? Ты же не помнишь, — продолжают они.

— Потому что, во-первых, я очень похожа на папу, во-вторых, мне бы уже сказали, а в-третьих, они же не сумасшедшие — у них столько детей в доме, а они еще ко-го-то будут брать!

Они продолжали настаивать, но я им не верила.

Когда я впервые пошла в школу, они мне сказали: «Если что-то случится, не переживай, сразу иди к нам». И дали расписание — на каком уроке они будут в каком кабинете. Я пришла к ним в первый же день. У нас начался урок рисования, а у меня не было бумаги и карандашей. Я попросилась выйти и побежала к ним. Они, выслушав меня, смело направились к учительнице, обсудили с ней проблему, она, конечно, сказала, что нужно было обратиться к ней. И все мне выдала. Но мне было страшно обращаться к ней. А к ним — нет.

Однажды я пришла из школы страшно расстроенная. Я целый месяц делала какой-то проект на ватмане. Отмеряла, чертила, выводила красивые буквы. И, пойдя на урок физкультуры, оставила его в раздевалке. Каков же был мой ужас, когда, вернувшись с урока, я обнаружила, что проект мой валяется и немного порван. Конечно, домой я пришла убитая.

— Что случилось? — спросили они.

Я не хотела говорить. Но Ира и Марина — не те люди, которые так просто сдаются. Мне пришлось рассказать и обидно расплакаться.

На следующий день, кое-как пережив обиду, я пришла в школу. И после второго или третьего урока я с удивлением увидела своих сестер. Они подошли, и нас сразу окружили несколько моих одноклассников.

— Ты знаешь, кто испортил твой проект? — спрашивали они.

Я молчала. Мне было так стыдно! Я даже не знаю почему. Как будто я такая слабая, что за меня пришли заступаться. Они продолжали спрашивать, я продолжала упрямо молчать. Но, как это часто бывает, «добрые» одноклассники не промолчали.

— Это девочка из старшего класса, Алена, я видела, как она это сделала! А потом они с девчонками еще смеялись! — стала рассказывать Даша.

Я тоже знала, что это сделала она. Но очень не хотела привлекать к себе внимания, хотелось, чтобы все про все поскорее забыли. Но мои сестры хотели справедливости.

В общем, закончилось тем, что Алена извинилась передо мной на глазах у всего класса. Краснели мы обе. И обе от ощущения слабости.

Марина

И все-таки несправедливо было бы объединять двух совершенно разных людей в один рассказ. С Мариной связано две истории. Однажды мы с ней отправились в Санкт-Петербург к старшей сестре Оле. Она тогда жила в общежитии. Было лето, мне двенадцать, ей восемнадцать. Это был Питер! О чем еще можно мечтать? Мы ходили в парк, ели мороженое, фотографировались на пленочный фотоаппарат и пробовали местную кухню по совету Оли. Но вот однажды произошел странный случай. Мы с Мариной были в метро и уже стали входить в поезд, как вдруг Марина выскочила на перрон, и двери захлопнулись... Сотовых телефонов тогда не было. Не было у меня и денег. Как и идей, что делать дальше. Я вышла на следующей станции и стала думать: оставаться здесь, ждать ее? Или поехать в обратную сторону — вдруг она там ждет меня? В общем, после некоторых колебаний я все-таки решила вернуться. В крайнем случае попробую найти дорогу до общежития, где жила Ольга. Но искать ничего не пришлось, Марина действительно ждала меня на перроне. Я успокоилась, правда, в душе остался вопрос: зачем она вышла? Ну, может быть, случайно? Нет. Со всем не случайно. Годы спустя, когда мы обе были уже взрослее, неожиданно вскрылась правда. Она сама призналась. В общем, моя ненаглядная сестренка попросту захотела покурить! Оказывается, ей было стыдно признаваться мне, что она курит, поэтому она решила провернуть такой трюк.

Вспоминая Марину, я вдруг подумала, что никогда не видела ее плачущей. Может быть, немного расстроенной, но совсем ненадолго. Через пять минут она вновь начала шутить. Кроме одного случая. Однажды я зашла в комнату, она лежала на кровати и... рыдала. Навзрыд. Я была в полной растерянности. Марина... плачет? Что могло произойти? Самый милый человек на Земле — и вдруг плачет! Я стала спрашивать, но она только говорила, что все нормально, а потом не выдержала и закричала: «Да уйди ты, наконец! Отстань от меня!» Марина никогда на меня раньше не кричала. Я выбежала из дома. И мне казалось, произошло что-то ужасное!

Вернулась я домой только к вечеру. Мама собрала нас всех у себя в комнате, там была и Марина, уже спокойная, но глаза еще краснели. И тогда мама сказала: у нас скоро будет внучка. Или внук.

Ирина

Мне казалось, что у Иры всегда все правильно. Она всегда знает, что делать, как поступить. Она никогда не скажет: я не знаю, что делать. Она всегда знает. Причем знает не только, что делать ей, но и остальным. Ира — это моя совесть. Когда в очередной раз я пыталась сбежать с генеральной уборки в доме, рассчитывая, что никто не заметит, она ловила меня своим суровым взглядом и говорила что-то вроде:

— Ну, правильно, ты, конечно, можешь уйти. А мама за тебя будет горбатиться. Но тебе же все равно, тебе же надо с подружками побегать. Хочешь — иди. Но мы все останемся и будем помогать. Потому что нам не все равно.

После этого, конечно, ничего не оставалось, как присоединиться к уборке, при этом еще чувствуя себя виноватой, недостойной дочерью своей мамы.

Но вернемся к Ире. Как-то с раннего возраста у нее всегда были деньги, и работа, и нужные знакомые. У нее первой появилась своя машина! Чем бы она (вместе с Мариной, конечно) ни занималась, я всегда думала, что она поступает правильно. Вспоминая сейчас ее финансовые успехи, я сравниваю ее с собой. В двадцать три года она купила машину, а я в этом возрасте только окончила вуз и читала новости на местном радио три раза в неделю. Моя зарплата составляла семь тысяч рублей. И в качестве бонуса — рассказы моей семьи всему городу о том, что я работаю на РАДИО.

В Ире я всегда чувствовала защиту. Я ею гордилась.

Еще в школе мне нравился один мальчик. Он был школьный повеса, всегда в центре внимания. И казалось, никто не может его затмить. И я ему нравилась, у нас была своя романтическая история, которая тянулась несколько лет. Но однажды я узнала, что к нему стали приставать старшие мальчишки. На перемене ко мне подошла одноклассница, которая всегда отличалась от всех своей «взрослостью». Она не дружила со сверстниками, не хотела учиться и выглядела на пару лет старше нас. Она мало с кем общалась из класса, разве что только со мной. Видимо, полагала, что я из всех более-менее «продвинутая». И она рассказала мне историю. В очередной раз мальчишка, который мне нравился, окружила толпа взрослых ребят на заднем дворе школы, стали приставать, смеяться. И в какой-то момент ему предложили одно из двух: сказать что-то обидное про себя (не помню что да и не хочу уже вспоминать), или они его побьют. И он сказал то, что они просили. На этом они отпустили его. Честно признаться, я была в некотором смущении от этой истории. А как же сила духа? Как же стоять на своем до последнего? Я рассказала это Ире. И она, к моему удивлению, сказала, что он поступил правильно.

— Глупо воевать с толпой, тем более с толпой придурков. Он потешил их самолюбие, цена которому просто ноль. И остался жив. Очень взрослый поступок.

Оказалось, моя самая серьезная сестра не боится показаться глупой. Теперь она, казалось, вообще ничего не боится.

Рома

Рома — парень с именем столицы Италии и внешностью греческого бога — не оставял равнодушной ни одну мою подругу (знакомую, одноклассницу, коллегу). В то время как все окружающие меня девочки его обожали, я ненавидела. Наверное, все началось с того, что мы с ним жили в одной комнате. А может быть, потому что он был младше остальных и я могла хоть как-то с ним соперничать. Мы ссорились с ним постоянно. В этих скандалах мама всегда поддерживала меня, я же была младше. Хоть тут это оказалось плюсом. Рома злился ужасно, и было за что. Например, од-

нажды я раскрасила фотографию его класса зеленым фломастером. Не всех, а только тех, кто мне казался некрасивым. Я и не поняла тогда толком, чего он так ругался — я ж как лучше хотела.

Так как в нашем доме всегда была толпа народа, основная часть которого здесь же и проживала, мне приходилось постоянно искать какое-то уединенное место, где бы я могла чувствовать себя спокойно. И нашла. В нашей комнате стоял шкаф, который где-то на полметра не дотягивал до потолка. А рядом стояло старое кресло. С него было очень удобно забираться на этот шкаф. Там я и организовала свое гнездышко — принесла какое-то маленькое одеяльце, игрушки, книжки. Мне там очень нравилось, несмотря на то, что именно на этот шкаф меня сажали раньше старшие сестры, чтобы я перестала орать. Удивительно, но мое гнездышко довольно долго оставалось тайным. Взрослым просто не приходило в голову искать меня где-то под потолком. Там я проводила много времени, и иногда даже когда Рома был в комнате.

В переходном возрасте я, как и многие тогда, стала увлекаться совсем не «женским» стилем. Мне нравилось быть крутой: носить необъятные кофты, широкие джинсы с грубыми ботинками и презрительно смотреть на девушек в мини-юбках. И тут очень кстати мне пришлось вещи не моих старших сестер, а моего брата. Как только он выходил из дома, я раскрывала шкаф и устраивала показ мод самой себе, выбирая, чем бы еще мне сегодня шокировать одноклассников. А когда ему подарили туалетную воду «Кензо», я просто влюбилась в этот запах! Надо сказать, что он считается унисексом, так что меня вполне можно понять. До сих пор люблю этот запах. Духи были очень дорогими, поэтому Рома сильно ругался, когда после школы от меня несло ими еще от подъезда. «Я и то только один раз брызгаю, а ты целое ведро выливаешь! Это МОЯ туалетная вода! И вообще, они мужские! Хватит трогать мои вещи!» — кричал он. Но мне было все равно. Я продолжала носить его вещи и пользоваться его духами. Он, надо сказать, тоже не отставал. Например, любил повторять, что я склонна к полноте и, скорее всего, годам к двадцати меня разнесет, как бабу на чайнике. А еще он внимательно вглядывался в мое лицо, а потом обеспокоенно качал головой и произносил: «Да-а, все-таки нос у тебя папин. С горбинкой. Чем старше становишься, тем это заметнее. Ну, ничего, будешь эффектной цыганской (здесь он делал специальный акцент) девушкой, на Кавказе таких любят. Правда, они стареют рано, после тридцати все покрываются морщинами и ссыхаются, как старушки». Я плакала, жаловалась маме, и она всякий раз обещала, что, если это случится, мы скопим денег на пластическую операцию и поменяем мне нос. Думаю, она не планировала это делать. Но тогда это было неважно. Наши скандалы обычно происходили так: я надувалась, как воздушный шарик, становилась цвета помидора и, с трудом находя слова, пыталась что-то возражать и размахивать руками. Он сидел молча, глядя на меня с ухмылкой, а потом выдавал что-то такое, от чего мне хотелось надуваться и размахивать руками еще сильнее. Как-то я так на него разозлилась, что решила выгнать из дома. Я и сама не знаю, откуда в маленькой девочке взялось столько самоуверенности. Я не совсем понимала, как этот процесс происходит, поэтому решила лишить его спального места. Нет постели — нет дома. Видимо, как-то так. Моей ярости хватило на то, чтобы вытащить его старый советский тяжеленный диван из комнаты в коридор! Я планировала дотащить его дальше — до мусорки во дворе, но тут проснулась мама. Она, конечно, сильно удивилась, зачем мне диван и что я с ним собираюсь делать. Но, выслушав суть претензий, каким-то образом уговорила меня «дать ему тут еще пожить». Когда мой запал остыл и было принято решение оставить Рому в квартире, мы с мамой попытались затащить диван обратно. Но не тут-то было! Оказалось, в гневе я не чувствовала всей тяжести этой махины. Мы вдвоем кое-как, вспотев, еле-еле дотащили его до места.

Я росла, Рома тоже. Его по-прежнему обожали все девочки вокруг, и он по-прежнему невыносимо раздражал меня. У родителей за Волгой был свой магазин, где мы все работали. А по вечерам нам, конечно, хотелось погулять. Меня долгое время никуда не звали, потому что за мной надолго закрепилось понятие «хорошей девочки», а в компаниях за Волгой редко занимались хорошими делами. Но вот наконец у меня появились друзья, и среди них, конечно, были мальчишки. Мама разрешала мне гулять сколько угодно, так что домой я порой приходила в три ночи. Но статус «хорошей девочки» мне так и не удалось разрушить. Помню, мне очень нравился один мальчик, и я видела, что это взаимно. Мы сидели на пляже у костра, кто-то пел песни, разговаривали. И тут неожиданно из-за угла вынырнул мой братец и стал меня отчитывать! Три часа ночи! А я тут! Непонятно, чем занимаюсь! Боже, мне хотелось провалиться под землю! Я не менее эмоционально ответила ему, что это совсем не его дело. Тогда он, поняв, что до меня достучаться бесполезно, обратился ко всем присутствующим: «Если хоть кто-нибудь пальцем дотронется до моей сестры — убью. Мне все равно, кто вы и сколько вам лет. Вы меня знаете». А Рому и правда знали все. С тех пор я могла хоть всю ночь гулять ночами по нашей турбазе, будучи уверенной, что меня никто не тронет. В том числе и все мальчишки, которые мне нравились. Кстати, тот парень у костра, который мне очень нравился, уже через час целовался с моей подружкой.

Хотя был во всем этом и плюс. Когда я работала в магазине родителей, мне было лет четырнадцать, но это нисколько не смущало молодых людей, которые приезжали отдохнуть на турбазе. И дня не проходило, чтобы кто-то не говорил мне: «Девушка, вы такая красивая и совсем одна тут?», «Вам нужно сниматься в кино, а не в магазине работать!», «Я влюбился в вас, как только увидел... а что вы сегодня вечером делаете?». Таким образом, я еще в четырнадцать лет поняла, что такое мужской «треп». Конечно, вестись на это было просто смешно, да и не нужно в мои четырнадцать. Но особенно не нужно это было Роме. Мы работали с ним по очереди, но каждый вечер в мою смену он сидел возле магазина. И как только в мою сторону двигался очередной захмелевший гость, он молча следовал за ним. Покупатель произносил пару банальных фраз в мой адрес, и Рома очень вежливо приглашал его выйти. После этого гость со мной уже разговаривал только на «вы», старался не встречаться взглядом и тем более намекать, что я ему нравлюсь. Мне нравилось ощущать себя абсолютно защищенной.

Несмотря на все наши скандалы, порой мы неплохо проводили время вместе. Мне вспоминается, как Рома ночью перед сном доставал гитару и пел песни. Особенно запомнилась про королеву, в которую влюбился несчастный паж. Я просила его петь эту песню каждый вечер. Он старался делать это очень тихо, чтобы никто не услышал. И, кажется, ему это удавалось. А еще он мог довести меня до слез от смеха, когда шутил. Как-то он пришел домой с синяком, я спросила, что случилось, он улыбнулся и сказал: «Споткнулся и упал на чей-то кулак». Мы вместе смеялись, и я думала, что даже если в жизни случаются неприятности, главное, правильно их обозвать, и тогда они станут просто смешными.

На озере

Двор у нас был самый обычный для тех времен. Дети гуляли на улице допоздна, играли в «казаки-разбойники», «светофор», «столбики», хоть за это часто и получали нагоняй от местных мамочек — они развешивали на столбы белье, а мы его пачкали, убегая от ведущего. Постоянно кто-то что-то чинил в машине. Папа частенько выдавал нам ведра, тряпки и учил мыть его «ласточку». Ну, как учил, мы мыли, а он потом

придирчиво проверял и говорил, что мы сделали не так. Собаки носились по двору без поводков и намордников, попевая за детворой. На лавочках сидели бабушки, строго следя за тем, кто с ними сегодня поздоровался, кто как оделся, и щедро делились подробностями сериалов. Имена «Хуан», «Гонсалес» и «Хосе-Мария» из уст наших тетюшек в халатах и бигудях уже ни у кого не вызывали удивления. Мы же без конца пытались выдумать, чем занять наше ничем не обремененное детство. И придумывали. Как-то ребята позвали меня на озеро. Озером это было сложно назвать. Когда-то оно таковым и являлось, но к тому времени сильно обмелело, а позже и вовсе высохло. Но какая-то глубокая лужица еще оставалась. Мама строго-настрого запрещала мне туда ходить: это далеко да и опасно — какой-никакой водоем. Но как не пойти? Все же идут. В общем, рванула и я. Мы веселились весь день! На озере было полно народу, с нашего двора и соседних. Кто-то загорал, кто-то устроил что-то вроде пикника, а некоторые смельчаки даже купались. Я не заметила, как пролетело время. А когда уже стемнело, почувствовала неладное. Наперегонки мы помчались домой. Я забежала в нашу квартиру на первом этаже, надеясь быстро лечь спать без всяких разговоров. Но мое чутье меня не подвело. На пороге стояла мама. Молча и строго смотрела на меня. Ох уж этот взгляд! Лучше б она с порога кричать начала, ругаться! Но она просто стояла и смотрела. Мое сердце бешено колотилось, а бегающие глаза выдавали меня с потрохами. Врать было бесполезно, но я все же попыталась. «Где ты была?» — ледяным тоном спросила мама. «Гуляла во дворе», — ответила я максимально спокойно и неуверенно потерла нос дрожащей рукой. «Мало того, что ты пошла на озеро, куда я тебе запрещала ходить, ничего никому не сказала — я тут весь двор обегала, так ты еще и врешь мне!» В тот вечер я поняла многое: во-первых, я не умею врать. Во-вторых, хуже маминого молчания ничего на свете нет. В-третьих, если на преступлении тебя застукал хоть один сосед, будь уверен — через час об этом будет знать весь двор.

Про игрушки

Все мои игрушки в детстве достались мне по наследству. И наследство было весьма внушительным — пара увесистых мешков игрушек прошлых лет, в которые играли мои сестры и брат. Но мне-то хотелось новых! Каждый день в магазинах появлялись новинки: говорящие мишки, машинки с пультом управления, роботы! И, наконец, Барби. Я мечтала о Барби, но у меня ее так и не было. А еще сильнее я мечтала о кукольном домике — я могла его видеть только в голливудских фильмах, таких, как «Один дома». Но детство было шумным и приятным, так что расстраиваться времени не было. Я с удовольствием лазила по деревьям, не хуже местных мальчишек. За что регулярно получала от соседки по лестничной клетке — у нее под окном росла яблоня, а мне уж больно нравилось на ней сидеть. Мы играли в магазин, благо денег-листьев вокруг было навалом. Ели то, что росло на улице, — можно было попробовать буквально все и потом рассказывать, что вкуснее, а что похоже на капусту. В том числе мы регулярно объедали местную сирень, загадывая на каждый пятилистник новое желание. Закапывали секреттики втайне от мальчишек, чтобы они не смогли их выкопать и разрушить. А мальчики в свою очередь пытались выследить нас, чтобы испортить тайник. Если вы не знаете, что такое секреттики, расскажу. Берете красивую обертку, все что угодно — фантик от конфеты, фольгу от шоколадки, просто красивый кусочек бумаги, находите на улице яркое стеклышко — лучше зеленое или желтое, потому что белое — слишком обычное, выкапываете втайне от всех ямку, кладете туда бумажку, а сверху стеклышко и закапываете. Обязательно проверьте — пальчиком

аккуратно расчистите землю, и вы увидите, как засверкает на солнце ваше сокровище. Ничего удивительней я тогда и представить не могла. Потом обязательно закопайте обратно и положите рядом какой-нибудь знак — камешек или палку. Иначе потом не то что враги, вы сами не сможете его отыскать. Или рисуйте сразу карту.

В общем, развлечений нам хватало. Хотя игрушек тоже хотелось.

На пятом этаже у нас жила «богатая» семья. Уж я не знаю, почему так считали, но все так говорили. Дочка Катя была старше меня на несколько лет. Она была такая милая и добрая, что как только появлялась во дворе, всем сразу хотелось с ней о чем-нибудь поговорить. И одевалась она как-то необычно, не как мы. И вот однажды они решили переехать. А чтобы не тащить в новый дом лишнее, устроили рядом с гаражами во дворе что-то вроде бесплатной барахолки. И в первую очередь там появилось очень много игрушек. Дворовая детвора окружила этот праздник щедрости и начала растаскивать все, что там было. Я тоже побежала посмотреть. Красивые куклы, крохотная одежда для них, заводные игрушки, огромные плюшевые зайцы и медведи, а посреди всего этого стоял он. Огромный розовый кукольный домик. С маленькими дверцами и окошками, с лестницами на второй этаж, с узорчатой кроваткой и камином. Я не поверила своим глазам. И очень удивилась, что его еще никто не взял. Со всех ног я помчалась домой, чтобы спросить разрешения у мамы, — можно ли взять его. Ведь он очень большой, и потом меня всегда учили, что чужое брать нельзя, даже если предлагают. Но мамы дома не было. Никого дома не было. Я вернулась к гаражам. Стояла и смотрела на этот идеальный домик и не решалась сделать шаг навстречу. А вдруг мама будет ругаться? Я не помню, сколько я так простояла, мне казалось, что вечность, хотя, наверное, прошло всего несколько минут. Конечно, через какое-то время домик исчез и, видимо, поселился у какой-нибудь соседской девчонки. Все уже стали расходиться, разобрали почти все. Оставались какие-то мелкие старые вещи. Я подошла ближе и увидела старенького потрепанного зайчика. Он напомнил мне кролика из рекламы какао. Я несмело взяла его, посмотрела по сторонам — никто не видит? И пошла домой. Мне казалось, будто я что-то украла... Ну, а если мама не разрешит его оставить, придется выбросить, — думала я. Вечером мама удивилась и сказала, что, конечно, разрешила бы мне взять тот домик. Но было уже поздно. Ночью я засыпала и обнимала своего нового зайчонка.

Про то, как Рома сломал руку

Рома был любимчиком публики. И еще он часто шутил, что делало его вдвойне обаятельным. Как-то мы катались с друзьями в соседнем дворе на горке. Просто горка и была только в соседнем дворе. И вместе с нашей детворой катался и веселился от души Рома. Он постоянно выделывал какие-то трюки, сопровождал их всякий раз забавными шутками, и мы смеялись до колик в животе. Но в очередной раз, скатываясь с железной горки вниз, он вдруг застонал. Все подбежали к нему, он, корчась от боли, сказал, что сломал руку. Ребята ему не поверили и вновь разразились шумным смехом, полагая, что он снова шутит. Но я сразу поняла: что-то не так. Рома сквозь зубы постанывал и держался за руку. «Это не шутка, это не шутка!» — закричала я. Рома закивал головой, а дети снова оглушили двор хохотом. Чем больше он корчился, тем сильнее они смеялись. Я была просто в отчаянии, как в дурном сне, когда ты пытаешься убежать от кого-то, но все время стоишь на месте. Я помогла ему встать, и мы пошли домой. Вслед мне доносился детский смех, а я, сдерживая слезы, как заведенная, повторяла: «Это не шутка, это не шутка!»... В тот же вечер ему наложили гипс. На следующий день я вышла во двор, презирая всех вокруг. Но они уже не смеялись.

Кто-то рассказал им, что Рома и правда сломал руку. Они спрашивали, как он, и долго извинялись за свое поведение. Тогда мне показалось, что я наконец проснулась.

Мальш

Не могу сказать, что с Ирой и Мариной я ссорилась менее бурно, чем с Ромой. Может быть, не так часто. И вновь одним из камней преткновения была одежда. А с некоторых пор и обувь. Просто девочки выросли и стали покупать себе что-то современное на свой вкус и очень модное. Но мне ведь тоже хотелось выделяться. И я стала с их позволения, а порой и тайно носить их вещи в школу. У них было одно золотое правило: если купленная кем-то вещь еще ни разу этим кем-то не надета, значит, трогать ее нельзя. Сначала владелец должен первым ее «выгулять». А еще они считали, что в гардеробе всегда должна быть одна вещь, которую нужно носить только по особым случаям. Но эти случаи очень долго не наступали, и я не выдерживала. С утра, пока они спали, надевала самую красивую вещь в шкафу и гордо направлялась в школу, где меня, конечно, встречали восторженные взгляды. Как только я возвращалась домой, начиналось что-то невероятное. Силы были неравны — они же вдвоем! В два голоса они устраивали мне нравоучительную профилактику, припоминая все мои былые ошибки и говоря что-то вроде: «Больше вообще никаких наших вещей не получишь!» Но что они могли сделать? Я же все равно бы их взяла... Все-таки произведенный мною в школе эффект был важнее последующих разборок дома, даже если в меня запустят подушкой и устроят недельный бойкот. Но ругались не только по этому поводу.

В нашей четырехкомнатной квартире умещалось не только все наше необъятное семейство, но и огромная куча вещей в самых, казалось бы, удивительных местах. Так, однажды я нашла на шкафу в дальней комнате какую-то красную штуку. Этикетка на ней почти вся ободралась, осталось только одно слово «Мальш». Я подумала, что с таким названием это явно предназначается мне — видимо, какая-то игрушка. Но на всякий случай решила уточнить у старших. Дома были только девчонки. Я подошла к Марине и спросила, что это за штука. Она недолго рассматривала ее, а потом сказала, мол, да, игрушка такая специальная. «А как она работает?» — поинтересовалась я. «Очень просто, пойдем покажу». Мы зашли в соседнюю комнату, там Ира что-то печатала на компьютере (да, у нас только-только появился большой и толстый компьютер на весь стол — наша гордость). Ира нас не замечала, потому что Марина почему-то говорила шепотом. «Поближе подойди к ней, только, чтобы она тебя не услышала, направь эту штуку на нее и нажми эту кнопку», — сказала она. «А зачем?» — все еще не понимала я. «Ну, это типа конфетти. Будет весело, ей понравится!» — подмигнула Марина и чуть подтолкнула меня вперед. Я еще немного сомневалась, но все же подошла к Ире. Она, видимо, услышала шаги, повернулась и хотела было что-то сказать, но в этот момент я нажала на кнопку. В комнате раздался взрыв! А Ира оказалась вся покрыта каким-то мелким порошком — с ног до головы! Как и вся комната. В секунду оценив ситуацию, я помчалась в ванную мимо Марины, которую трясло от смеха. Ира быстро побежала за мной. Прямо перед ее носом я успела закрыть дверь на защелку. Как она орала... Грозилась меня не выпускать из ванной весь день. Потом, наоборот, заставляла выходить, чтобы я пошла все это убирать, и даже выключила свет. Но разъяренная Ира мне тогда казалась куда страшнее монстров в темноте. Я не выходила из ванной до вечера. К тому моменту они обе уже успокоились — Ира перестала обижаться, а Марина икать от хохота. Все было убрано, но я еще долго не решалась выйти. Как потом выяснилось, «Мальш» — это порошковый мини-огнету-

шитель. Я до сих пор не могу понять, чем руководствовались изобретатели, решившие назвать средство для борьбы с пожаром «Малыш».

Питер

Раньше мне казалось, что весь мир состоит из одного нашего города. Мне, конечно, рассказывали о других городах, но если я не видела, как в них поверить? Впервые я поняла, что ошибалась, когда мы с мамой поехали в Питер. Мне было лет девять. Билеты мы купили на боковых полках. Если вы не ездили в детстве в поезде на боковых, вы не знаете, какое это чудо, когда стол вдруг превращается в кровать! И наоборот. Впервые слышать звук поезда, чувствовать его укачивание, есть дорожную еду. Какая это была еда! Мама взяла с собой все самое вкусное. Мне запомнился чай «Пиквик» с разными вкусами — ассорти. Мы никогда дома не пили чай «Пиквик». Мы вообще никогда не пили дома чай в пакетиках — это было дорого и глупо, просто пыль в глаза. Зачем, когда чай можно заварить? Это умели делать даже дети. А тут — в пакетиках... Да еще и фруктовый. Я ела бутерброды, запивала фруктовым чаем и смотрела в окно. Через два дня я увижу Питер.

Питер встретил нас ярко, несмотря на раннее утро. Повсюду горела реклама на больших щитах! Буквы бегали по зданиям, меняя надписи одну за другой. Дома светились так, будто снизу их кто-то подсвечивает автомобильными фарами. Метро было совсем непугающим, как мне все говорили. Оно было удивительным! Я осторожно шагала на эскалатор, пытаясь попасть на ступеньку. Вглядывалась в лица совсем других людей. Они вели себя так естественно и от этого выглядели еще удивительней. Как они ходят здесь каждый день, видят все это и не обращают внимания? Как будто ничего странного не происходит. Ответ пришел ко мне не сразу — просто они тут живут.

В Питер мы приехали к Ольге, она там училась и жила в общежитии, сейчас у нее были зимние каникулы. И несмотря на то, что спать нам приходилось всем вместе на двух кроватях, это нас нисколько не смущало. Мы каждый день гуляли, ходили в музеи, очень много фотографировались (пленкой заранее запаслись в Самаре). А еще познавали местную пищу. Например, Оля угостила меня творожными сырками. Сначала я наотрез отказывалась их есть, полагая, что это нечто вроде «Дружбы» или «Омички» — они продавались у нас на каждом шагу, стоили копейки, и я их терпеть не могла. Но Олины сырки оказались совсем другими. Она даже научила меня правильно их есть: аккуратно отрываешь кусочек обертки и держишь как мороженое. Я до сих пор так делаю.

Из Питера я везла с собой целый набор подарков — яркие впечатления, море удивительных вкусов, а еще настоящее перо павлина! Его мне подарила Олина соседка по комнате.

Про мошенников

Как-то мы с Олей остались в общежитии, а мама пошла гулять по Питеру одна. Ее довольно долго не было, о сотовых телефонах мы тогда только что-то слышали по телевизору. Уже начали волноваться. Как вдруг на пороге появилась мама с огромным пакетом бананов (я их обожала) и упаковкой джина (его обожала мама). И в новой шапке. Мы, конечно, поинтересовались, что произошло. Мама не сразу нашлась, что сказать. Она сняла верхнюю одежду, рухнула на стул и, собравшись с силами, начала рассказ.

Она прогуливалась по какой-то центральной питерской улочке, наслаждалась местными красотами и подумывала уже возвращаться домой. Как вдруг ее окликнул молодой человек: «Женщина, попробуйте удачу в беспроигрышной лотерее! Это абсолютно бесплатно!» Мама, будучи человеком легким, согласилась. Вытянула билет и — невероятно — выиграла! Ей достался огромный пылесос известной марки с кучей насадок и дополнительными функциями. Вот это удача! Это же подтвердил и молодой человек: «Вы просто невероятно везучая! Вот так сразу и выиграть такой приз! Что ж, поздравляю вас!» Пока мама не могла поверить своему счастью, парня перебила рядом стоящая девушка: «Подождите, но у меня тоже выигрыш. И тоже пылесос». Парень озадаченно посмотрел на нее, потом на маму. «Ну что ж, по правилам нашей лотереи, если у двух людей одинаковый выигрыш, нужно устроить аукцион. Кто предложит большую сумму за приз, тот заберет и пылесос, и все деньги». И тут моя мама вошла в азарт. Она не собиралась отдавать уже СВОЙ пылесос какой-то девчонке. И аукцион стартовал... Мама и эта девушка поочередно доставали из кошелька деньги, которые тут же оседали в кармане молодого человека. И лишь когда мама достала последние купюры, она вдруг поняла весь ужас происходящего. В глазах потемнело, она представила, что вот сейчас отдаст собственноручно последние деньги этому человеку и никогда их больше не увидит. Она так и стояла с протянутой рукой, а парень уже ухватился за хилую пачку и настойчиво пытался перетянуть себе. И тут мама наконец очнулась.

Какой она подняла крик! Понять это может только женщина, у которой шестеро детей, которая с трудом накопила на поездку к дочери и которая сейчас остается без копейки. В ту же секунду парень вместе со второй «участницей аукциона» бросились наутек. Но они плохо знали мою маму. Она помчалась за ними, словно волчица, у которой из-под носа убегает добыча. Аферисты разбежались в разные стороны. Мама, быстро смекнув, что деньги отдавала молодому человеку, а значит, главная ее цель — он, преследовала его по улицам, сквозь не реагирующую ни на что толпу. В какой-то момент кто-то из прохожих не выдержал криков бедной женщины, которая с горящими глазами неслась за бедолагой, и, поймав его, скрутил. «Что произошло?» — начал он. Мама в гневной истерике стала объяснять, какой тот оказался паразит! И как ограбил бедную многодетную женщину. Парень, уже не такой смелый, стал оправдываться — мол, это она сама их отдала. Мужчина устал от криков, плюнул на это дело и сказал: «Разбирайтесь сами!» Парень подумал, что вот сейчас-то он и удерет. Но не тут-то было! Здесь уж мама вцепилась в него так, что убежать он мог только, волоча ее за собой. Мама продолжала кричать, трясти его из стороны в стороны и требовать деньги назад. Подросла милиция. Кое-как сотрудникам удалось выяснить суть дела. Они неутешительно заявили моей маме: «К сожалению, деньги вы отдали сами, так что никакого нарушения не было. Привлечь мы его не сможем, да и деньги вам вряд ли вернут». — «Что значит — вряд ли?!» — возмутилась мама и вновь начала трясти мошенника за куртку. «Отпусти меня, дура! Ты мне куртку порвешь! Да сделайте же что-нибудь!» — отчаянно воззвал он к милиции. «Женщина, отпустите молодого человека!» — попытались унять пыл мамы правоохранители. Но, как вы понимаете, без своих денег она никуда бы в этот вечер не ушла. Тогда она пустилась в горькие слезы, рассказывая добрым милиционерам, что у нее дома семеро по лавкам, что живут они впроголодь, а эта скотина (!) забрала последнее. Да что ж это такое делается, да как же она теперь будет, да где же на этом свете справедливость?! В общем, правоохранительные органы сдались. «Парень, да отдай ты ей деньги, видишь же, не отстают». — «Да заberi, на, заberi все!» — он начал доставать из карманов деньги. Мама быстро прятала все в сумку. «Там еще девушка была, она половину утащила!» — не унималась мама. «Да не взяла она ничего, я тебе уже даже свое отдаю, всю выручку

за сегодня!» Так или иначе, мама выгрэбла из его карманов все до копейки и только тогда отпустила куртку, которая оказалась к тому моменту порванной. Парень, доведенный до слез, злобно оглянулся, сказал что-то нецензурное и скрылся с глаз. «Ну, все, теперь вы успокоились?» — поинтересовались стражи порядка. «Да как тут успокоиться? — вцепившись в свою сумку обеими руками, говорила мама. — Я из другого города, мне тут все чужие, сейчас пойду, а они мне по башке трахнут и все отнимут, с них не убудет!» И на всякий случай снова вспомнила про нас — бедных, голодных детей, которые ждут ее дома — единственную кормилицу в семье. То ли из жалости, то ли от безысходности, но милицейские посадили ее в свою машину и с мигалками, под вой сирен довели до метро. Когда мама оказалась одна и в безопасности, она пересчитала деньги и поняла, что неплохо наварила на этих бесстыжих аферистах. Чтобы как-то успокоиться и порадовать близких, она купила пакет бананов мне, джин — себе. И новую шапку. А почему бы нет? У нее сегодня удачный день.

Про няню Дусю

Няня Дуся — это девятый член семьи. Хотя официально частью семьи не являлась. Но разве это имело значение? Ее происхождение и появление в нашем доме было для меня тайной, покрытой мраком. Но жила она с нами всегда. У нее имелась своя комната в квартире. Она была в почтенном возрасте, а потому нигде не работала и почти всегда оставалась дома. Это была худенькая, сморщенная старушка с длинными седыми волосами. У нее не было ни одного зуба, при этом она с легкостью справлялась с костями и вообще любой твердой пищей. Из-за этой особенности она немного шепелявила. Она почти ничего не слышала, поэтому когда с ней разговаривали, все всегда громко кричали. Но при этом, когда была необходимость, она слышала то, что говорили даже шепотом. Поэтому часто ее глухота вызывала у меня сомнения. Поговаривали, что в юности она легла под поезд между рельсами, и поезд промчался, не задев ее. Но слух, конечно, пострадал. Еще иногда говорили, что она сидела в тюрьме — за что, когда — этого я тоже не знала. Она была няней Есении и Ромы, и в качестве няни и приехала сюда. Ее комнатку в общежитии (или в коммуналке) родители продали, на эти деньги купили папе КамАЗ. А няня Дуся навсегда поселилась с нами, помогая маме с детьми и по хозяйству. Она была неграмотная. Не умела ни писать, ни читать. Единственное, что могла, — вывести печатными буквами «Кисилева» вместо подписи при получении пенсии. Тратить деньги ей было особо некуда, и она отдавала часть маме на продукты. Себе оставляла лишь немного, чтобы раз в месяц закупить конфет, печенья и прочей ерунды. Она всегда угощала всех, и меня в том числе.

В общем и целом, человеком она была необычным. Я постоянно приставала к родителям с вопросами о ней, но они мало что рассказывали. Так как в садик меня не водили, довольно много времени я проводила с ней. Мне не давало покоя то, что человек старше меня не умеет ни писать, ни читать. Я усаживала ее в кресло, доставала книги и пыталась научить складывать буквы. Ей нравилось проводить со мной время. Но результатов это не приносило. А вот ей удалось меня научить. Играть в карты. Да еще как! Мы резались часами! Любимая игра была «пьяница», она простая и не требует особых расчетов. Просто достаешь карты по очереди и все. А вот в «дурака» она играть не любила. Не получалось у нее. Я пыталась приобщить ее к другим играм, о которых рассказывали во дворе, но она отказывалась.

По большей части она была тиха и незаметна. Только ее вечно шаркающие тапочки напоминали о себе. Но иногда вела себя очень эмоционально. Например, ее раз-

дражало, что я постоянно прибегаю домой попить после игр на улице. «Утка! — возмущалась она. — Сколько можно бегать!». Почему-то сейчас это вспоминается с улыбкой. А если мы вытворяли что-то плохое, она непременно грозилась: «Вот увидишь, все матери расскажу!» Но я не помню, чтобы она рассказывала. Особенно про Рому и Есению. Хотя рассказать было что. Почему-то вели себя с ней они довольно вольно. Шутили, не слушали. Хотя я не думаю, что со зла. Она же их просто обожала. Казалось, может простить им все. Хотя именно с ними чаще всего и ругалась. Рома в шутку говорил, что она ведьма. Особенно всегда подмечал, что она никогда не ходила в церковь. Говорила, ей там плохо. «Нянь Дусь! А почему ты в церковь не ходишь? — веселился он: — боишься?!» Она лишь грозно махала на него, потом разворачивалась и уходила, бубня себе под нос: «У-у, хабалы, а не дети».

Мама считала, что она — энергетический вампир. Это подтверждалось тем, что если няня Дуся много времени проводила с кем-то, человек часто заболел. Действовало это на саму маму или на бабушку. Она иногда забирала ее к себе. А вот на меня нисколько не действовало.

Няня Дуся была не против выпить. И всегда веселела, когда предлагали. Пила она исключительно водку. Причем в немалых количествах. Хмелела не сразу, но, опьянев, начинала материться, в основном на папу. Папа какое-то время не обращал внимания, потом просто брал ее на руки и тащил в комнату. Она упиралась, колотила его своими маленькими кулачками по спине и продолжала матюгать. После этого из ее комнаты еще какое-то время доносилась брань, а потом храп.

Если честно, я ее немного побаивалась. Было в ней что-то ненормальное. И не смотря на то, что я ни разу не видела, как она гадает или что-то такое делает, я все равно думала, что Рома был отчасти прав. В ее комнату без спросу заходить было нельзя. Она очень злилась. Мы всегда стучали, заглядывали, спрашивали, а только потом, если надо, заходили. Но ненадолго. Мне казалось, она всегда как-то волновалась, когда кто-то к ней заходил. Будто что-то прятала. Хотя что ей было прятать? А в ее отсутствие заходить в комнату было нельзя категорически. Но, как вы понимаете, очень хотелось.

Иногда с моей подругой Надей мы делали небольшие набеги в ее комнату, пытаюсь что-то разузнать. Каждый раз, когда я заходила к ней, меня охватывал страх, казалось, даже ее вещи смотрят на меня с укоризной. Но ничего любопытного мы не находили. Это было обычное барахло старого человека. Но мы продолжали проникать и искать.

Однажды мы с Надей решили последить за ней. Может быть, когда няня Дуся выходит из комнаты, она прячет свои «страшные» вещи, поэтому мы ничего не находим. Улучив момент, когда она отправилась на кухню, забежали в комнату и спрятались в шкаф. И оставили себе небольшую щелочку открытой, чтобы наблюдать. Через минуту она вернулась и легла на кровать. Я не знаю, что мы там хотели увидеть — как она превращается в ведьму, летает по комнате на швабре или колдует с использованием засушенных тараканов. Но не происходило ничего. Хотя ничего у нее не происходило, а у нас так громко колотились сердца, что, казалось, только их стук может выдать нас с потрохами и, вероятнее всего, она нас обнаружит и съест.

Чем же она занималась целыми днями? Много вязала. Каждый раз, когда я приносила ей рваный носок или варежку и просила его «починить», она была очень рада оказаться нужной. Как-то она увлеклась плетением ковриков из старых вещей. Она их резала на лоскуты и связывала так, что получалось цветастое полотно. Этих ковриков у нас было огромное количество. Недавно увидела такие в продаже в Интернете, девушка гордо называла их «хенд-мейдом» и рядышком рисовала приличные суммы. И ведь раскупали! А у нас лежали без дела по всем углам. Еще она вкусно жарила

семечки и, кстати, с удовольствием их лузгала. Готовила редкие тогда лакомства — козинаки и халву. А еще фирменные бутерброды, которыми я угощала весь двор, — мокрый хлеб с сахаром. Это было чертовски вкусно!

Про КамАЗ

Когда папа работал дальнобойщиком, он привозил много гостинцев. Когда родители работали на вещевом рынке — у нас была модная одежда. Когда папа работал таксистом, у нас была машина. Помню, когда машины еще не было, как-то Ира с Мариной вбежали в комнату и наперебой стали рассказывать, что папа ее купил! Я со всех ног помчалась к окошку, посмотреть. «Новенькая, блестящая черная „Волга“», — щебетали они. Я прижалась лицом к стеклу и во все глаза рассматривала улицу. Но черной «Волги» не было. «С первым апреля!» — рассмеялись девчонки и побежали разыгрывать остальных. Больше им никто не поверил. Такой наивной оказалась только я. Но у меня были веские причины. Во время наших семейных поездок мне всегда доставалось самое неудобное место. Дело в том, что при отсутствии нормальной машины ездили мы исключительно на КамАЗе. Как мы там все помещались? Очень просто. Папа за рулем, мама на соседнем сиденье. Ира, Марина, Рома, Есения и Оля сидели на заднем, спальном сиденье, за шторкой, то есть их было не видно с дороги. А меня мама усаживала «в ноги», потому что я была самой маленькой. Она стелила возле своих ног какое-нибудь одеяльце и сажала меня. Так тоскливо было ехать вниз, в полумраке. Мне очень хотелось ко всем, за шторку, — оттуда постоянно доносились веселые звуки и смех, шторка буквально ходила ходуном. Но на мои уговоры особо не реагировали, потому что там «и так тесно без тебя». Когда мы проезжали мимо поста ДПС, все вдруг резко замолкали, шторка прекращала двигаться. Наступала тишина. Нас даже иногда останавливали. Мама говорила: «Не шевелись и сиди тихо». Я замирала так, что, казалось, боялась дышать. Чаще всего мы оставались незамеченными и спокойно продолжали свой путь. Но в тех редких случаях, когда настойчивый гаишник все-таки открывал машину и видел меня, а потом отдергивал шторку, это было настоящее представление. Ну, еще бы, любой онемевает, когда на него сверху смотрят пять пар детских любопытных глаз и еще одна пара откуда-то снизу. Не знаю, как папа решал эти проблемы, но, так или иначе, через какое-то время мы ехали дальше. И тут папа был либо очень злой, так что все продолжали сидеть тихо, чтобы не попасться под руку. Либо наоборот — шутил и балагурил, вспоминая, как обалдел гаишник, увидев всех нас. Если мы ехали в гости, родители потом весь вечер обсуждали случившееся под шумный хохот гостей.

Про мандарины и арбузы

Как я уже говорила, папа часто привозил из командировок гостинцы. А иногда гостинцы привозили его многочисленные друзья. Так, однажды папин друг привез нам ящик мандаринов. Под шумные возгласы и всеобщий восторг он торжественно поставил ящик посреди коридора: «Вот, ребятишки, кушайте витамины — это полезно! Правда?» — он весело подмигнул, и они с папой отправились на кухню, «обмывать» приезд. Спустя пару часов его друг, чуть шатаясь, вышел из кухни, они долго обнимались с папой, говорили, что надо чаще встречаться, передавали приветы всем знакомым и незнакомым родственникам и медленно продвигались к выходу. Как вдруг гость остановился и устался на пол. «Подожди, — сказал он, — а где все мандарины? Я же

целый ящик привез...» — растерянно произнес он. «Так съели, наверное, уже», — спокойно пожал плечами папа. «Но там же был целый ящик! — продолжал друг. — Мне не жалко, но им же плохо будет! Все-таки целый ящик!» — и для убедительности раскинул руки в стороны, как бы показывая, на сколько большим был этот ящик. «У тебя целый ящик, а у меня целый дом детей — что ты хочешь?» — так же невозмутимо сказал папа, икнул после обильного застолья и пошел провожать друга.

Но папа и сам делал подобные подарки. Как-то он возил арбузы. И я уже не помню, почему у него осталось в машине много этих самых арбузов. Я сидела дома, когда ко мне вбежала запыхавшаяся подружка и кое-как, сглатывая воздух, протараторила:

— Там... твой... папа... арбузы раздает!

— Что? — не поверила я.

— У него целая машина их, побежали скорее! — она схватила меня за руку, и мы помчались во двор.

А там уже было настоящее столпотворение. Дети стояли плотным кольцом, бежали вокруг, все шумели, кто-то самый шустрый пытался просочиться сквозь толпу поближе к центру. Взрослые вели себя скромнее, они как-то неуверенно стояли чуть поодаль, не совсем понимая, могут ли они тоже принять участие в этом празднике щедрости. А вот дети не стеснялись, те, кому уже повезло, на ходу разрезали арбузы, повсюду слышался хруст, а где-то уже валялись арбузные корки. Посреди всего этого стоял КамАЗ. Папа завел его прямо во двор, открыл кузов, запрыгнул внутрь и сам лично раздавал арбузы, приглашая всех — и взрослых, и детей.

Вокруг бегала мама, которая была уверена, что он лишился ума. Лучше бы он их продал, самим есть нечего. Но папе было все равно. А я? Я была просто счастлива. Потому что мой папа — герой.

Про велосипеды

В девяностые на велосипедах ездили все. Каждый ребенок чуть ли не с пеленок умел кататься и учился, кстати, как-то сам. И не подбирали велосипеды по росту и возрасту. Какой достался от старших, на том и ездил. В нашей семье велосипедов было несколько. Но все они были большие, так что ездить на них можно было только стоя. Но это не мешало нам крутить педали по двору. На этих же самых велосипедах все вместе ездили на дачу к бабушке и дедушке, чтобы помогать с огородом. Ездить я туда не любила. Велосипеда мне не доставалось, да и боялись, что я не доеду сама так далеко, устану. Поэтому меня сажали на перекладину велосипеда «Салют», чаще всего делала это Есения, и так мы ехали. Несмотря на то, что мне не приходилось крутить педали, передвигаться было очень неудобно. Представляю, каково было Есенин везти меня на велике, да еще и в гору.

Как-то Рома пришел домой и принес попугая. У нас уже был к тому времени попугай — обычный зеленый волнистый попугайчик по имени Кеша. А он принес синего. Сказал, что это девочка, зовут ее почему-то Паша. Все бы ничего, если бы мама не узнала, что этого попугая он выменял на велосипед! Как она кричала... Зато Кеша был очень рад знакомству с Пашей.

А однажды сбылась моя голубая мечта. Родители подарили мне велосипед — «Школьник». Как они скопили деньги? Это было невероятно. Он был небольшого размера, как раз подходящий для меня, так что мне даже не приходилось ехать стоя. Коричневого цвета, с красным громким клаксоном, по которому нужно было со всей силы хлопнуть, чтобы он зазвучал. Посмотреть на это чудо сбежался весь двор. Точнее, даже несколько дворов. Дома у нас располагались так, будто были приклеены друг

к другу. А дорога вдоль этих домов была в виде спуска, на велосипеде по ней можно было кататься, как на горке. И вот я стою наверху всех наших дворов, рядом мой новенький блестящий железный конь, а вокруг толпа детей, которых я пытаюсь выстроить по очереди.

— Ну, дай покататься, ну, что тебе, жалко? — пристает соседский Юрка. Мне не жалко, но надо соблюдать правила.

— Ты уже два раза катался, а некоторые еще ни разу. Вставай в конец очереди, — строго отвечаю я.

Но Юрка не может устоять на месте. Как только очередной счастливчик набирает скорость на моем велике, его тут же окружает толпа ребят, которые стараются не отставать и с разгона сбегают с импровизированной горы. Впереди всех бежит Юрка: «Давай поднажми! Крути педали, он, знаешь, какую скорость может развить?!»

Так весь день они и катались. Я была не против, ведь им не купили новый велосипед, а мне купили. Значит, я смогу в любое время кататься сколько мне угодно.

А спустя всего пару дней я поехала по соседним улочкам, со мной была моя подруга. В каком-то незнакомом дворе мы решили сделать перерыв. Я слезла с велосипеда, и мы пошли изучать местную растительность.

— Смотри, какие деревья, а у нас такие не растут. Давай наберем листьев, принесем и будем играть в магазин, ни у кого таких «денег» не будет!

— Давай, — отвечаю я и уже нарываю в подол новенькие купюры, — но никому не будем говорить, где мы их взяли. Чтобы только у нас такие были.

В то время по городу часто ходили цыганские таборы. Все их боялись, взрослые говорили, что они гипнотизируют людей, обворовывают, а иногда и детей крадут. Нам очень не хотелось, чтобы нас украли. В тот момент, когда мы пополняли свои запасы, во дворе появилась толпа в цветастых платьях и платках, говорили они на непонятном языке. Мы резко замолчали. Двор был пуст и незнаком. Нам стало страшно. Мы рванули оттуда и, задыхаясь от страха, побежали домой. Когда мы оказались уже возле подъезда, я вдруг вспомнила: «Мой велосипед!» — «Ты побежишь туда?» — спросила подруга. «Тебе не страшно? Там же... эти». — «Там мой велосипед!» — выкрикнула я и помчалась обратно. В тот момент меня совсем не пугали цыгане, я молила только об одном: чтобы мой «Школьник» стоял там же, где я его оставила, и дожидался меня. Я старалась бежать быстрее и быстрее, казалось, ноги сейчас запутаются, и я упаду.

Когда я оказалась на месте, цыган уже не было. Как и моего велосипеда. Я в отчаянии обежала вокруг несколько раз, по лицу катились слезы. Но его не было. И больше никогда не будет. Я медленно поплелась назад, раздумывая над тем, как я теперь скажу об этом родителям. В кармане у меня лежало настоящее сокровище — редкие листья. Жаль только, расплатиться ими можно было лишь в моем вымышленном мире.

Про родственников

Видимо, судьба полагала, что наша квартира недостаточно переполнена людьми, поэтому регулярно подсылала нам различных гостей, которые с удовольствием жили у нас энное количество недель или даже месяцев.

Первое мое знакомство с родственниками произошло так. Кто-то позвонил в квартиру. Мама пошла открывать. Моя комната выходила в коридор так, что я хорошо видела входную дверь. Помню, мама, немного в растерянности, зовет папу. Он неохотно, кряхтя, встает из-за кухонного стола, отрываясь от новостей по телевизору,

и направляется к двери. Я чувствую, происходит что-то необычное, и уже неотрывно смотрю на дверной проем, размышляя, кто же там может быть. Наконец папа доходит до мамы, делает небольшую паузу и...

— О-о-о, че вамень бунь! Буназива!¹ — восторженно произносит он и раскидывает руки в стороны, чтобы обнять пришедшего.

Так, а кто же, собственно, пришел? — не унимаюсь я и во все глаза жду его появления. В квартиру заходит пожилой цыган, затем цыганка, молодые цыгане, подростки, дети, снова взрослые. Господи, да им нет числа! Кажется, сейчас они набьются в наш коридор, как селедки в банке, а мама запечатает дверь изнутри, и дальше вялеться здесь в собственном соку! Ну, в общем, примерно так все дальше и происходило. Еще минут двадцать они толпились в коридоре, а потом так же, толпой, влезли в наш зал, каким-то образом поместившись там все. Улучив момент, я позвала маму и робко спросила:

— А это кто?

— Это папины родственники, — озадаченно сказала мама, — насколько я понимаю, это брат и его семья.

— И что, они будут у нас жить?

— Ну да, — ответила мама.

— Все?

— Все, — выдохнула она и пошла накрывать на стол.

Позже выяснилось, что это не последний приезд гостей. Как-то, видимо, им у нас очень понравилось, поэтому они стали навещать нас регулярно. То и дело в дверях появлялись новые незнакомые люди, которые тут же обозначали родство с нашим папой и благополучно заселялись.

Я знала, что папа из Молдавии и цыгане действительно наши родственники, а значит, и мои. Это с трудом укладывалось в моей голове, учитывая, как и что тогда говорили про уличных цыган и как мы их боялись. А когда я воочию увидела свои «корни», в голове и вовсе все перепуталось. Знакомясь отдельно с каждым из них (а жили они у нас долго, время было), я стала понимать, что они все очень разные. Папины братья (приезжали в основном они со своими семьями) очень напоминали отца и поэтому, наверно, мне импонировали. А вот к остальным отношение было спорным. Особенно меня раздражали дети. Они были непослушными, избалованными, невоспитанными. Да оно и понятно, воспитывать их было просто некому. Взрослые занимались тем, что каждый день искали деньги на пропитание. А дети были предоставлены сами себе. Несмотря на то, что мы сами росли в большой семье и у наших родителей тоже не было времени, мы были послушными детьми. Помню, был среди них некий Ваня, почти одного со мной возраста. Я периодически делала ему замечания, но он их игнорировал либо же попросту мне хамил. Как-то раз я не выдержала, зашла к нему и в грубой форме высказала все, что думаю. На него это, конечно, не подействовало. Но когда я вышла из зала, увидела маму и поняла, что она все слышала. Мне стало стыдно, я в жизни таких слов никому не говорила, тем более при ней. Но мама лишь улыбнулась и сказала: «Постарайся не обращать внимания. Это ненадолго».

Еще одним ярким гостем в нашем доме стал дядя Жора. Его приезд я совсем не помню. Как и его отъезд, потому что мне казалось, жил он у нас бесконечно долго. Дядя Жора сразу обозначил себя как отличного строителя и предложил свои услуги за гостеприимный прием. Ремонт в нашем доме делался крайне редко, потому что на это обычно не хватало ни времени, ни денег, ни сил. А потому родители согласились. Было решено начать с ванной. Он воодушевленно разломал плитку, добротнo уложенную много лет назад, и приступил к ремонту. Сначала мы долго выбирали цвет

¹ О-о-о, какие люди! Приветствую!

новой плитки, какую мозаику сделать на стене. Я даже предлагала маме сделать вместо ванной комнаты бассейн! Ну, а что, у нас первый этаж — можно не бояться, что зальем кого-то. А зубы почистить мы и на кухне можем. Мама, конечно, деликатно отказалась, но настроение у всех было приподнятое. Надвигались какие-то перемены, такого у нас еще не было! Все ждали чуда.

Но чудо не произошло. Я точно не знала, как делается ремонт, опять же потому что не видела никогда этого процесса, поэтому все мы полагались на всемогущего, веселого и беззаботного дядю Жору. Почуяли неладное примерно спустя полгода после его приезда. Как-то стали приходиться мысли, что невозможно так долго укладывать новую плитку. Мы, конечно, не специалисты, но все-таки полгода? Видимо, с тем же вопросом мама обратилась к дяде, но он не растерялся и привел массу доводов в свою защиту. Мама лишь махнула рукой. А через какое-то время дядя Жора так же незаметно исчез. В ванной остались полупустые стены и груды плитки на полу. Спустя пару лет ремонт все-таки был доделан. Папой. За три дня.

Как-то я собиралась в школу, училась во вторую смену, и дом в это время был пуст. В дверь позвонили. На пороге стоял незнакомый мужчина средних лет и кого-то мне очень напоминал.

— Вам кого? — поинтересовалась я.

— Дима здесь живет? — спросил он с добродушной улыбкой.

— Здесь, но его сейчас нет.

— Ах, что же делать, — сказал озадаченно мужчина, — дело в том, что я в городе проездом, остановиться мне больше не у кого. Я — Димин брат.

«Ну, конечно! — подумала я. — Вот кого он напоминает! Папу! Как две капли воды».

— Да что же вы, заходите, — сказала я, — папа скоро придет. Мне сейчас нужно бежать, я в школу опаздываю. Но вы пока располагайтесь.

Через пару минут я выбежала из дома и позабыла о своем госте.

Вечером в доме было шумно. На кухне что-то активно обсуждали. Вдруг оттуда вышла чуть раскрасневшаяся от вина мама и всплеснула руками:

— Ты с ума сошла! Как ты могла пустить в дом незнакомого мужчину? Да еще и оставить его здесь одного? А если он вор?!

— А он... вор? — осторожно спросила я.

— Слава богу, нет, — сказала мама: — он действительно папин брат. Но как же ты могла? Ты же всегда такая разумная девочка.

— Ну, просто он был на него очень похож, — ответила я. И подумала, что в свете происходящих в последние годы событий это вполне разумное объяснение.

Про рынок

Рынок и девяностые для меня связаны неразрывно. Во-первых, на рынке все одевались. И дети тех лет прекрасно помнят пронизывающий холод и легкий стыд, когда ты стоишь зимой на промерзшей картонке без штанов за какой-то импровизированной шторкой, пока продавец где-то в закромах ищет подходящие тебе джинсы. Но все это не имеет никакого значения, потому что тебе покупают новые джинсы! И уже завтра ты придешь в школу в обновке. А еще рынок — это аромат вкусного промасленного беляша с толстыми стенками теста и крохотным кусочком жирного мяса внутри.

Во-вторых, на рынке работали родители, и мы знали эту кухню изнутри. Хотя знать совсем не хотелось. Иногда они оставляли меня ненадолго за прилавком, когда отлучались. Я стояла на морозе, забираясь на небольшую табуретку, чтобы был виден весь наш многочисленный товар и чтобы никто из проходящих мимо не стащил чего-нибудь.

— А где продавец? — спрашивали покупатели.

— Она отошла, но я могу вас обслужить, — говорила я, почему-то каждый раз сильно смущаясь.

Кто-то шутил по поводу моего юного возраста, но от покупок не отказывался, кто-то презрительно смотрел и просто уходил к другой палатке. Но самое страшное было, когда приезжали проверяющие. Видимо, на всем рынке ни у кого не были правильно оформлены документы на товар, потому что прилавки в этот момент пусты. Все продавцы сбегали, боясь штрафов. Сбегала и моя мама. Но оставить товар и уйти было невыносимо — всегда найдется ушлый товарищ, который воспользуется ситуацией и стащит все, что плохо лежит. Поэтому она оставляла меня.

— А что мне им говорить? — спрашивала я.

— Просто скажи, что мама отошла, а ты охраняешь товар.

— А если кто-то захочет что-нибудь купить?

— Продавай, — невозмутимо говорила мама и исчезала.

И я оставалась там одна, продолжая торговать и пытаюсь распознать в лицах покупателей тех самых проверяющих. Каждый раз не угадывала. В какой-то момент какой-нибудь дяденька, покупая коробку конфет, вдруг вытаскивал откуда-то из-за пазухи корочку, предъявлял ее мне, официально представлялся и начинал допрос.

— А вы знаете, что торговать несовершеннолетним запрещено?

— Нет, не знала, — говорю я.

— А где продавец, и вообще, что вы тут делаете?

— Продавец отошла по делам, я ее дочь, просто охраняю товар.

— Вы не просто охраняете товар, вы продаете. Я только что купил у вас коробку конфет.

Я молчу, переминаясь с ноги на ногу и с надеждой вглядываясь куда-то вдаль в поисках мамы. Но мама не идет.

— Девочка, можно у вас купить пачку макарон? — спрашивает какая-то полная дама в пальто.

— Да, конечно, — автоматически произношу я, вспоминая мамин наказ.

— Нет, вы не продаете, — начинает злиться проверяющий: — я же вам сказал, вы не имеете права продавать. И где, в конце концов, ваша мама?

«Если бы я знала», — проносится в голове.

— Скоро должна подойти.

Так продолжается полчаса или час. Он задает одни и те же вопросы, сыплет угрозами. Я даю одни и те же ответы и мечтаю только о том, чтобы он поскорее ушел. В какой-то момент к нему подходят другие проверяющие, говорят, что пора ехать. Он еще некоторое время ждет, потом злобно глядит в мою сторону, что-то бросает напоследок и удаляется. Мама приходит не сразу, минут через двадцать, когда становится точно известно, что проверяющие уехали. Она хвалит меня за стойкость, рассказывая всем вокруг, какой я бесстрашный герой.

А бесстрашный герой на не гнушихся от страха ногах выходит из палатки и отправляется домой, по дороге вспоминая в деталях минувший разговор и содрогаясь от ужаса произошедшего.

Зачем нам Диснейленд, когда есть лучше

Какое-то время папа работал таксистом. И я обожала ездить с ним на заднем сиденье. Как бы ни ругалась мама, что он «мучает бедного ребенка в такую жару», и как бы ни уговаривали друзья остаться поиграть во дворе, я всегда напрашивалась с папой, и он был не против. Мне нравилось просто кататься, смотреть по сторонам и пред-

ставлять, как я тоже куплю себе машину, когда вырасту. Папа покупал мне какие-то редкие и дорогие сладости, а иногда, втайне от мамы, даже одежду. Я вообще любила с папой куда-то ездить. Когда они торговали продуктами на рынке, он брал меня с собой за товаром. Это был Диснейленд! Столько всего вкусного — выбирай что угодно! Он ни в чем не отказывал. А иногда, будучи слегка нетрезвым, а если быть откровенной — изрядно пьяным, он давал мне деньги. Большие на тот момент деньги. Даже если бы я решила оставить их себе, я бы не знала, на что их потратить — купить пятьсот жвачек? Глупо. Но у меня и мысли не было оставить их. Денег в доме всегда было немного. И я просто отдавала их маме. Это не было геройство. Это было нормой. Не отдать деньги — то же, что украсть их. Поэтому так делали все.

А еще любила играть в его машине. Не просто в машине, а в том самом КамАЗе! Он стоял в районе гаражей, на улице было настоящее пекло — жара плюс тридцать, а в машине еще жарче. Но меня это не останавливало. Мы с подружкой забирались в кабину и играли там дни напролет. Все дети во дворе завидовали, просились к нам, но папа был строг — никого не впускать. Потом КамАЗ продали. Помню, папа очень расстраивался. И даже не подозревал, что вместе с ним расстраиваюсь и я. Ведь нет ничего интереснее, чем играть в душном и пыльном папином КамАЗе.

Наши эксперименты

Я всегда завидовала Ире с Мариной, потому что они вдвоем. Да и Рома был почти одного с ними возраста. Я очень любила играть с девочками. Больше всего мне нравилось строить целые города из стульев и столов. А в качестве главных героев были самые крохотные игрушки. Но потом девочки выросли и играть в куклы уже отказывались. Но мы со старшими часто придумывали что-то интересное. Например, однажды, после родительского застолья с гостями, я зашла на кухню, где должна была идти уборка, и застала необычную картину. Все дети стояли и что-то шептали. Увидев меня, они замолчали, Есения строго спросила:

— А тебе здесь чего?

— А вы что тут делаете? — любопытно спросила я, ведь явно происходило что-то интересное.

— Мы хотим попробовать вот это, — сказал Рома и показал на какую-то бутылку.

— Ты с ума сошел?! — одернула его Есения. — Зачем ты ей сказал, она все маме с папой расскажет!

— Не расскажу. И... я тоже хочу попробовать.

— Ты слишком маленькая, — сказала Есения.

— Ну и что? Вы тоже маленькие, вам тоже это нельзя!

— Мы старше тебя!

— Да ладно, пусть попробует, ничего страшного, — вступилась за меня Ира.

На том и порешили. Не знаю, как другим, но мне страшно не понравилось. Я помню этот вкус — во рту стало горько и противно, будто съела очень острый перец. Мне хотелось выплюнуть эту гадость и прокашляться. Но я не могла так поступить, иначе все решат, что я действительно слишком маленькая, и скажут: «Ну, мы же говорили тебе!» Пришлось проглотить. Но больше на подобные авантюры я не подписывалась.

Хотя как прожить без авантур? Особенно когда все идут, а ты нет. Так в другой раз мы дружно решили уйти из дома. Не потому что нас кто-то обидел, просто интересно! Но опять же решили они, а я с трудом напросилась.

— Вот увидите, она, как всегда, разное, и нам придется возвращаться!

— Да ладно, не будет она ныть, а если будет, просто отправим ее обратно, и все.

И мы пошли. Конечно, спустя час я разнылась и стала проситься домой. Остальные участники побега в душе обрадовались, потому что уже темнело и хотелось вернуться. Но вслух произнесли:

- Я так и знала, что она будет себя так вести.
- И зачем мы только ее взяли с собой?
- Сейчас бы уже были далеко...

Но мне было все равно. Я очень хотела домой. А идея сбежать уже не казалось такой интригующей.

Про бабушку и дедушку

Первые мои воспоминания, связанные с бабушкой и дедушкой, приходятся лет на шесть-семь. И это, конечно, дача. Это слово вызывало почти те же ощущения, что и зубная боль — никуда от нее не деться, приходится просто терпеть. На дачу нужно было ездить обязательно всем. А дел там — невпроворот! Но чаще всего приходилось собирать клубнику, ее было больше всего — огромное количество грядок. Причем все грядки высажены, как по линейке. И не дай тебе Бог наступить на листик или тем более затоптать растение. Дед был жуткий педант. При этом я почти не помню, чтобы он на нас ругался. Для этого была бабушка. Ее я боялась больше, чем маму. Она не давала никаких поблажек и требовательно относилась ко всем поручениям. Както у меня в гостях была подружка, мы играли в куклы. Тут зашла бабушка и сказала, чтобы мы бросали «эту свою ерунду» и шли немедленно чистить чеснок.

— Но я не умею чистить чеснок, — растерянно сказала подружка, у которой, к ее счастью, дачи не было.

— Стыдно должно быть! — парировала бабушка. — Такая деваха выросла, а чеснок чистить не умеешь. Вот садись и учись, — строго сказала она и вывалила целое ведро чеснока. До сих пор помню, как пальцы болели от него.

Каждый приезд бабушки (кажется, дедушка приезжал к нам только по праздникам) начинался так: «Бабушка сегодня приезжает!» — оповещала мама и вешала телефонную трубку. И тут же по всей квартире происходила моментальная мобилизация. Все бросали дела и принимались за уборку. И неважно, что в доме было якобы чисто. Это для нас чисто, а для бабушки — грязь, бардак и ленивое семейство. Бабушкин приезд был сильнейшей мотивацией залезть в самые дальние углы, почистить люстру и отполировать до блеска мебель. У бабушки с дедушкой дома был идеальный порядок. В зале на полкомнаты стояли домашние цветы, которые я терпеть не могла. Зачем они вообще нужны, да еще и в таком количестве? Когда она приносила нам отростки, мне вменялось в обязанность их поливать. Я непременно забывала или переливала их. В результате все они засыхали у нас через месяц. А у бабушки по соседству с цветами стояла всякого рода рассада. И каждый раз она с гордостью рассказывала, как скоро здесь появится огурчик, а здесь помидорчик. А вот дедушка мне практически ничего не рассказывал. Он был молчалив и строг. Про него я знала, что он всю жизнь работал на заводе. Был слишком горд, чтобы в свое время получить машину от государства в подарок. Двух своих дочерей воспитывал в строгости. Он носил толстые очки в темной оправе, постоянно читал газеты, а самое интересное аккуратно вырезал и складывал «под стекло» (стекло у многих тогда лежало на столе, под ним хранили записки). А потом самое важное из самого интересного навсегда переселялось в отдельно стоящий шкафчик, на котором гордо восседал Ленин. Открывать этот шкафчик было запрещено. Но иногда бабушка брала Ленина.

— Будешь хорошо учиться, — говорила она, — будешь как Ленин, сразу несколько классов перепрыгнешь и экстерном школу окончишь.

— А кто он, этот Ленин? — спрашивала я и разглядывала маленькую белую статуэтку с лысым дяденькой в пиджаке. Что же он такое сделал, раз бабушка с дедушкой его так любят? — размышляла я.

— Ленин — это очень хороший и умный человек. Он все для народа делал, помогал нам учиться, работать, — рассказывала она.

Для меня все это так и оставалось непонятным: как он помогал? Зачем?

— Ну все, хватит, — наконец говорила бабушка, — давай поставим на место, а то дедушка будет ругаться.

У них нельзя было шуметь, громко шагать, создавать бардак, а ночью свет выключали по всей квартире, и наступала жуткая темнота. Когда я оставалась одна у них, я с трудом засыпала, потому что у себя дома всегда просила маму оставить на ночь хотя бы ночник. А тут темно и тихо и слышно только, как тикают часы. Но постепенно, когда глаза привыкали к темноте, я поворачивалась к стенке и начинала разглядывать настенный ковер. Он был колючий и тоже всегда очень чистый (и как им только удавалось). А еще он полностью сохранил свою картинку, в отличие, например, от наших ковров — они почти все поблекли и стерлись. И пускаясь в свое вымышленное путешествие, я успокаивалась и незаметно для себя засыпала.

Мне казалось, они оба с другой планеты. Я всегда думала, как у таких строгих родителей могла вырасти такая легкая и веселая дочь, как моя мама?

Дедушка покинул нас, когда я была подростком. А бабушка дожила до рождения моего второго ребенка. С возрастом я очень сблизилась с бабушкой. Она рассказывала мне о войне, о голоде, о своей жизни. Часто плакала. Я все хотела записать ее рассказы и издать книжку. Но не успела. С тех пор я люблю, когда в доме тикают часы. А еще с годами клубника стала моей любимой ягодой, чеснок — любимым овощем, засыпать я люблю в полной темноте и все чаще ругаю детей за то, что они громко топают.

Гости

Гости к нам приходили либо по праздникам, либо приходили они не к нам, а к родителям. Те закрывались в своей комнате, оттуда доносились шумные, веселые голоса, запах копченой колбасы и алкоголя. Бывало, что-то перепало и нам. Мы росли в те времена, когда прийти в гости «с пустыми руками» было неприлично. Поэтому в коридоре гостей встречали обычно всей толпой. Чем, скорее всего, раздражали пришедших, потому что одно дело купить пару шоколадок детям друзей, и совсем другое — пакет сладостей, чтобы «на всех хватило». Иногда случались и вовсе неловкие ситуации, когда, например, новые друзья родителей просто не знали, что нас так много. Вы когда-нибудь резали шоколадку «Марс» на шесть частей? Нет? А я резала. И скажу одно — от этого она становилась только вкуснее. Больше всего я любила, когда приходила крестная. Она-то точно знала, сколько нас, и всегда приносила много вкусностей. Мне почему-то запомнился белый вафельный торт, на котором была нарисована елочка. Таких тортов я больше не пробовала нигде.

Если же повод был семейный, например, день рождения у кого-то, то приготовления начинались еще с утра. Кто-то резал салаты, кто-то убирался (и под этим кем-то я подразумеваю себя, готовить мне не доверяли), кто-то накрывал на стол и так далее. Мама крутилась на кухне, отдавая распоряжения:

— Оля,ними пенку.

- Рома, вытряхни палас.
- Вероник, помой посуду из серванта.
- Дима, побрейся! Скоро гости придут.

Да, у папы заданий было немного. Хотя он тоже принимал участие в процессе. Проснувшись к обеду, отсидев в «комнате для раздумий» положенные полчаса и почистив зубы, он заваливался на кухню в трико и предприимчиво произносил:

- Так, что у нас?
- В это время он успевал снять пробу со всего, что готовилось.

- Дим, не мешай! — возмущалась мама.
- А что у нас сегодня на покушать? — все так же оптимистично произносил папа.
- Если хочешь есть, доедай вчерашний суп. А тут ничего не трогай, это для гостей, — категорично заявляла мама.

— Мда? — протягивал папа, но не расстраивался, по большому счету ему было все равно, чем завтракать в обед. Он ставил на единственную свободную конфорку кастрюлю щей, из-за чего вновь получал нагоняй от мамы, потом наливал себе огромную тарелку до краев, по дороге захватывал острый перчик и на том удалялся снова в спальню.

Спустя час он появлялся довольный и сытый на кухне, ставил грязную тарелку в раковину и закидывал в рот то, что успевал ухватить со стола, наивно полагая, что мама не видит.

- Дим, ну я же просила, не мешайся! Иди, наконец, побрейся!
- Да успею я, — протягивал папа и снова уходил.

Где-то часа за два до начала праздника он громко оповещал всех, что идет в душ. Оттуда он выходил помытый, побритый и щедро побрызганный одеколоном. Он ловил первого, кто попадался ему на глаза, и говорил:

- Слушай, иди протри там, а то я немного налил.

«Немного налил» означало, что в ванную без тапок зайти невозможно, иначе утонешь. Хорошо хоть, мы жили на первом этаже.

Дальше начинался долгий процесс одевания.

- Нина, где мои брюки?
- Посмотри на нижней полке в шкафу.
- Я не вижу.
- Ну, они там одни лежат, как их можно не увидеть?

— Нет здесь ничего! Зато твои вещи полшкафа занимают! — начинал злиться папа. — А рубашка где?

— Да господи! — кричала мама и быстрым шагом шла из кухни в комнату. — Ничего найти не можешь! Ты тут наряжаешься, а я, между прочим, готовлю! Ну, вот же лежат, неужели сам ничего не можешь?!

— Да у тебя тут черт ногу сломит! — горячился папа: — Развела здесь бардак! Ничего не найдешь!

— Вот возьми и уберись! А мне готовить надо, — бросала напоследок мама и вновь удалялась на кухню.

— Готовить ей надо, — бурчал под нос папа, — а мне, можно подумать, больше заниматься нечем.

- Я что, в мятом пойду? — вновь доносилось из спальни.
- Ну, правильно, я сейчас все брошу и пойду тебе гладить! — взрывалась мама.
- Ладно, сам поглажу, — сдавался папа и шел за марлей.

Еще через час папа выходил из комнаты нарядный, порхающий, проверял у зеркала, все ли он сбрил, элегантно расчесывался и шел проверять свои владения.

Зайдя на кухню и увидев все ту же картину, он удивленно спрашивал:

— А вы что, еще не готовы? Скоро гости придут. Нин, ты что, их в халате и бигудях встречать будешь?

Мама бросала на него негодующий взгляд и, кое-как сдерживая себя, говорила:

— Иди стулья расставь или сооруди что-нибудь, где мы там все уместимся?

— Мда... — многозначно говорил папа и удалялся.

Обычно если не хватало стульев, мы их брали либо у соседей, либо просто клали на пару-тройку табуреток толстую перекладину, превращая все это в длинную лавку.

Праздник начинался в 18.00, мама традиционно в 18.15 закрывалась в ванной, чтобы привести себя в порядок. Гости постепенно начинали приходить, делать многочисленные комплименты детям. Одна комната автоматически превращалась в гардеробную, куда мы тащили куртки, шапки, шарфы и сумки гостей.

Через какое-то время мама выпархивала из ванной в своем зеленом бархатном платье, которое сидело по фигуре, в красивых туфлях, на ней были колечко и серьги в тон, аккуратная прическа завершала благородный образ. Из косметики были только подводка или тени и помада. С радушной улыбкой она встречала каждого, непременно оставляла на каждом легкий след от помады и приносила в комнату сладковатый аромат духов. И как ей это удавалось всего за пять минут? В то время как папе на это требовалось часа полтора.

С этого момента ни она, ни папа уже ничего не делали (ну, то есть в папином поведении ничего не менялось), завершали приготовления к ужину мы, мама только незаметно давала нам короткие поручения, все так же широко улыбаясь гостям.

Само застолье мало чем отличалось от любого праздника в те годы.

— Димочка, обслужи дам, — ласково говорила мама.

— Кто будет шампанское? — интересовался папа.

Звенели бокалы, гости активно пробовали салаты.

— Ниночка, какой необычный салат! Что там?

— Ой, я сама в первый раз готовила, по телевизору рассказывали, — дальше она подробно перечисляла, что в него входит, и напоследок обязательно добавляла: — Но это не я, все готовили дети! Они такие самостоятельные!

Далее гости, конечно, восхищались этими «удивительными» детьми, а через какое-то время всех нас спроваживали в соседнюю комнату, где был накрыт «детский стол». Но иногда, если гостей было не очень много, нам разрешали остаться. Но как только начинались песни, мы обычно уходили сами. «Ах, виновата ли я...» — заводила бабушка, пела пару строк, а с третьей ее подхватывали остальные, удивительно синхронно, будто в ансамбле.

Надо сказать, соседи никогда не ругались. Ну, а что ругаться — сегодня у нас праздник, завтра у них. Погулять все любили. А порой даже присоединялись.

В конце, после часовых прощаний в коридоре, все наконец расходились. Мужчины настаивали на том, что сейчас поймают такси, женщины, слегка пошатываясь, спорили, говорили, что и на автобусе прекрасно доедут. Чем все кончалось, было неизвестно, они уходили и там продолжали свой спор.

Как только дверь за последним гостем закрывалась, мама падала на диван и произносила:

— Боже, как я устала...

Папа усаживался за стол, наливал себе рюмочку и продолжал банкет как ни в чем не бывало.

— Дети, уберите со стола, — говорила мама, — а я спать, у меня сил нет.

И уходила в спальню.

Убирать после гостей я терпеть не могла, как, наверное, и остальные. Но деваться было некуда. Обычно мы делили обязанности: кто-то носил тарелки из зала на кух-

ню, другой их мыл, третий протирал полотенцем, четвертый ставил обратно в сервант. Папа еще долго сидел за столом, мы оставляли ему островок еды и напитков, потом аккуратно складывали стол-книжку так, чтобы не помешать.

— Тебе это нужно или унести? — спрашивали мы об очередном блюде (очень хотелось поскорее все убрать и лечь спать).

— Нет, можешь забирать, — говорил он.

Через какое-то время на столе оставалась всего одна тарелка с парой бутербродов, бутылка и рюмка.

Когда все было убрано, мы расходились по комнатам и ложились спать. А папа еще долго сидел перед телевизором, напевая себе под нос.

Путешествие, которое затянулось

Родители сменили много сфер деятельности, но в основном все они были связаны с торговлей. А чем еще можно было прокормить такую семью в девяностые? А любая торговля, как известно, связана с частыми отъездами. Это было самым страшным для меня. Я ненавидела момент расставания. Понимала, что не могу ничего изменить, но каждый раз плакала навзрыд. Помню, как-то устроила настоящую истерику. Меня никак не могли успокоить, в конце концов родители уехали. Я кинулась к двери в слезах. Помню, Ира сказала:

— Тебе не стыдно так себя вести? Ты просто избалованная девчонка! Они уже уехали, успокойся!

Я замолчала и села возле стенки. Все разошлись, а я еще долго так сидела, мечтая, что мама вот-вот вернется.

А однажды они уехали не одни. Взяли с собой Иру, Марину и Рому. Есения уже жила в Молдавии и выходила замуж. Родители поехали на свадьбу. Но почему-то меня и Олю было решено оставить дома под присмотром бабушки. Я страшно расстроилась, не понимала, почему такая несправедливость? Но мама была тверда в своем решении. Поехали они на машине.

О том, что произошло, первой узнала бабушка, она сказала Оле, а та мне. Где-то под Воронежем родители перевернулись...

Информация оттуда поступала нечасто, и что конкретно произошло, мы толком понять не могли. Только каждый день ждали известий. Оказалось, что меньше всего пострадали дети — у них только ушибы, а в целом все хорошо. Папа получил большое количество осколков в голову. Но тоже все поправимо. А вот мама... Как потом рассказывали, она буквально вылетела из машины. Ей раздробило колено. Врачи пришли к заключению: ходить она больше не будет.

Я с трудом могла себе это представить. Понимала, произошло что-то непоправимое, но как-то осознать не могла. Я только хотела, чтобы все поскорее вернулись домой. Особенно мама. Но их приезд все затягивался. Из больницы ее не выписывали. И нам оставалось только ждать.

Приехали они под Новый год. Первым вошел папа, он придерживал дверь, чтобы пропустить маму. И тут в дверях появилась она. На костылях. У меня были смешанные чувства. С одной стороны, увидеть свою маму, человека, которого любишь больше всех на свете, на костылях очень страшно. Кажется, внутри что-то оборвалось, я даже не могла найти слов. Но, с другой стороны, она здесь, она приехала! И она передвигается самостоятельно. Значит, есть шанс. Значит, когда-нибудь она еще сможет сама ходить! По крайней мере, очень хотелось в это верить. И мы верили.

В Самаре нашли хорошего врача, который обещал поставить ее на ноги. Она регулярно делала упражнения, старалась постепенно наступать на больную ногу. Ее упорству можно было только позавидовать. Я ни разу не видела, чтобы она опустила руки.

И через какое-то время мама окончательно избавилась от костылей. Сегодня она прекрасно ходит и даже танцует, еще как! Только иногда коленка дает о себе знать, и мама начинает немного прихрамывать или ложится в постель на пару дней, чтобы отлежаться. Но я точно знаю, что потом она встанет и будет жить прежней жизнью. Это моя мама. Она не сдастся.

Новый год

Новый год всегда был для меня особым праздником. Гостей мы не звали. И в этом тоже было что-то домашнее, уютное. Я верила в новогодние чудеса. Начиналось все за несколько дней, когда в доме появлялась огромная пушистая зеленая ель. Папа приносил ее с мороза, она так сильно пахла, что все понимали — вот он, Новый год. Однажды папа был в командировке, и елку так никто и не купил. Мне не верилось — как же так? Какой Новый год без елки?! Я приставала к маме и к остальным, но казалось, беспокоит это только меня. До Нового года оставалась всего пара часов, как вдруг в дверь постучали. Я открыла, а там... стоял папа с невероятно большой елкой! Он приехал и привез нам Новый год! Потом папа принес из подвала коробки с игрушками. Мы стелили на пол газеты и начинали аккуратно раскладывать все игрушки, проверяя, целы ли они. Если какие-то были разбиты, они не выкидывались, когда елка будет наряжена, мы уложим под ней много кусков ваты, а сверху посадим эти разбитые игрушки. А рядом с ними будет сидеть настоящий большой Дед Мороз. Да-да, я была уверена, что он настоящий. Больше всего мне нравились игрушки в виде зверей или каких-то предметов. Они были такие блестящие, их так бережно вешали, боясь разбить хрупкое стекло. Новые никогда не покупали — зачем? У нас полно старых. Отдельной задачей было распутать гирлянды. Как бы мы их ни упаковывали, через год они все были спутаны. Потом гирлянды включали, и если какая-то из них не горела, папа забирал ее себе и долго выискивал ту самую лампочку, из-за которой не работает вся гирлянда. А возле телевизора ставили мигающего кота и светящийся домик. Котика не выключали до самого конца всех праздников. И ночью я засыпала под мигающую елку и тиканье, напоминающее звук поворотников в машине.

На сам Новый год было несколько фирменных блюд. Мы не покупали торт, а делали его сами. Для этого в магазине приобретались специальные коржи, а в качестве начинки шло все самое вкусное: грецкие орехи, бананы, киви, мандарины, зефир, мармелад, шоколад и собственноручно приготовленный крем из масла и сгущенки. В результате получалось такое многоэтажное чудо, которое гордо красовалось в центре стола.

Еще помню, мама готовила десерт из чернослива. Сам чернослив я не любила, но то, что она делала, было восхитительным — в саму ягоду она помещала целый грецкий орех и заливала сгущенкой, а потом относила на балкон на несколько часов. Поверьте, это очень вкусно...

Когда оставалась пара часов до праздника, все обязательно наряжались, делали прически. У мамы в шкафу хранились старые бархатные карнавальные маски. Мне нигде такие больше не встречались. Я каждый раз уговаривала всех надеть маски и даже подбирала их каждому. Лису отдавала Ире, мишку — Марине и так далее. А са-

ма надевала маску мартышки. Под бой курантов мы загадывали желание, а потом обязательно зажигали бенгальские огни, фотографировались. Конечно, главным героем вечера был телевизор. Каждый телеканал старался удивить, показать что-то интересное. И если мы пропускали новогоднюю сказку по какой-то программе, то обязательно потом, в зимние каникулы, смотрели ее в повторе. А вот подарки обычно не дарили. Их время наступало только утром. Хотя однажды, когда я училась в первом классе, за хорошую учебу родители пообещали мне купить игрушечного Санта-Клауса. У него были красные штанишки и красная курточка, в одной руке он держал пакет с игрушками, а во второй фонарик. Когда его включали, фонарик начинал светиться, а Санта-Клаус пританцовывать и напевать «Jingle bells, Jingle bells...». У меня было две четверки в четверти, и я очень боялась, что родители его не подарят. Но опасения были напрасны. За пятнадцать минут до Нового года они торжественно его вручили мне, и он пропел нам свою песенку много раз в ту ночь.

Каждое утро 1 января я бежала со всех ног в зал и заглядывала под елку. А там уже были заранее уложены красивые цветные коробочки или пакетики со сладостями. Чего там только не было! Дорогие конфеты, шоколадные батончики, жвачки, орехи, фрукты — настоящие сокровища! Мы растягивали свои подарки на несколько месяцев! Например, можно было откусить кусочек «Сникерса», а потом завернуть его и положить обратно. Подарки свои все прятали от других. Потому что мало ли что. Хотя у всех они были абсолютно одинаковыми — с равным количеством каждой сладости.

Я знала, что подарки делают родители, и знала, что ночью они кладут их под елку. Но ни разу мне не удалось увидеть, как они это делают, как бы старательно я ни пыталась не засыпать. Это было мое новогоднее чудо.